

Ю.В. Лагов

HIER STEHE ICH UND ICH KANN NICHT ANDERS*

Авторы книги «Россия и Европа: эффект колеи» после чтения статьи Андрея Михайловича Курышова, опубликованной в предыдущем номере журнала**, почувствовали себя средневековыми еретиками, стоящими перед добрым инквизитором. Рецензент пишет: «Демонстрируя готовность учиться и изменяться, Россия исповедуется Европе в том, что жила неправильно и ждет отпущения грехов, ждет заветного “Vade in pasc”». Однако после весьма значительного количества сделанных А.М. Курышовым замечаний заглавие его рецензии («идите с миром») приобретает форму не только описания ожиданий России от Европы, но и своеобразного обращения к авторам рецензируемой книги. Нам настойчиво предложили покаяться в совершенных «по недомыслию» грехах, априори обещая, принимая во внимание многие достоинства нашей научной работы, после чистосердечного раскаяния отпустить с миром.

Однако, покопавшись в своей душе, авторы, увы, не обнаружили там стремления покаяться.

Как известно, наши «предшественники» на такое предложение отвечали по-разному. Есть вариант *a la* Галилео Галилей — признаться в грехах, продолжая в глубине души считать, что «а все-таки она вертится». А есть вариант *a la* Мартин Лютер — «стою на том и не могу иначе». Этот второй вариант нам нравится больше, поэтому мы его и выбрали в качестве названия нашего ответа рецензенту***.

Объясним нашу позицию.

А.М. Курышов считает, что мы сначала определились с тем, как Россия соотносится с Европой, затем под принятое нами ре-

* «Стою на том и не могу иначе» (нем.) — эти слова произнес Мартин Лютер на Вормском рейхстаге в 1521 г., когда ему задали вопрос, настаивает ли он на всем, что сказано в его книгах и не желает ли Лютер покаяться в грехах.

** Курышов А.М. Vade in pasc // Историко-экономические исследования. 2010. Т. 11. № 1. С. 161–188.

*** Хотя в данной статье отражена в общих чертах позиция обоих авторов книги «Россия и Европа», за конкретные формулировки ответственность несет лишь один из них, написавший данную статью.

шение подбирали историческую фактуру, после чего стали искать, какую бы методологическую базу подвести под наши выводы. На самом деле мы начинали строить концепцию нашей книги все же не с крыши, а с фундамента.

Концепция книги «Россия и Европа: эффект колеи» сложилась на основе нашего глубокого неудовлетворения той ситуацией, которая сложилась с преподаванием экономической истории в нашей стране. Эта область осталась одним из наименее реформированных «закоулков» экономической науки. Историю экономики излагают (это видно по подавляющему большинству отечественных учебников экономической истории) в основном на эмпирическом уровне, как обзор изменений в материальном производстве и правительственных реформ. Почти все учебные издания рассчитаны на начальный уровень экономических знаний. Этот методологический застой резко контрастирует с тем, что произошло в последние 20 лет в преподавании других областей исторической и экономической наук.

Мы рассматривали работу над нашей книгой, изданной в Калининграде, как подход к качественно новому учебному пособию по экономической истории. Нам хотелось осуществить следующие методологические инновации.

Во-первых, экономическая история должна быть разновидностью экономической компаративистики (сравнительного анализа экономических систем). Анализ социально-экономического развития разных стран по отдельности ведет к опрокидыванию в прошлое современной политической картины и к преувеличенному вниманию к деталям при неясности общей картины. Поскольку «лицом к лицу лица не увидать», надо рассматривать историческую эволюцию не отдельных стран, а основных типов «национальных» экономических систем (в том числе при помощи мир-системного подхода И. Валлерстайна).

Во-вторых, экономическая история должна быть, прежде всего, разновидностью институциональной экономической теории. Историю экономической жизни можно строить по многим, качественно отличным друг от друга принципам — как социо-естественную историю (историю взаимодействия общества и окружающей среды), как историю техники, как историю государственных экономических реформ/революций, как историю хозяйственной

ментальности... Нам представляется, что наиболее синтезирующим подходом является взгляд на экономическую историю как на процесс развития формальных и неформальных институтов («правил игры», по Д. Норту). Этот подход необходимо активно внедрять в экономическую науку хотя бы потому, что институциональная экономика является восходящей парадигмой экономической науки в целом. Мы глубоко убеждены, что «изобретение» новых правил хозяйственной жизни (протестантской этики, акционирования, защиты интеллектуальных прав собственности...) играют в истории общества не меньшую (а скорее даже большую роль), чем изобретение новых орудий и предметов труда (прядильного станка, паровой машины, электричества...).

В-третьих, преподавание экономической истории должно активно использовать традиционные для экономистов формы подачи материала — при помощи графиков и цифр, а также понятийного аппарата современной экономической науки (права собственности, транзакционные издержки, зависимость от предшествующего развития, etc.). К сожалению, на страницах большинства учебных изданий по истории экономики трудно встретить даже таблицы с динамическими рядами, не говоря уже об использовании факторного анализа или расчете коэффициентов корреляций.

В-четвертых, экономическую историю преподавать можно и нужно занимательно. Это означает, с одной стороны, систематическое использование оригинальных иллюстрирующих примеров. С другой стороны, речь идет о проблемном подходе к изложению материала, когда от читателя не скрывают нерешенных вопросов («загадок истории»), полемики по поводу трактовки и оценок многих событий и явлений (включая, например, великую загадку «европейского чуда» — генезиса капитализма в единственном регионе планеты).

Реализовать все эти четыре методологические инновации сразу и в полном объеме, конечно, очень непросто. Авторы книги «Россия и Европа...» не рискнут утверждать, что созданная ими книга и есть тот самый новый тип учебного пособия по экономической истории, к которому они призывают. То, что получилось, — это скорее *подход* к этому качественно новому типу, скорее *стадия процесса*, чем *финальный результат*. Однако в изданной в Калининграде книге все же нашли воплощение — в большей или

меньшей степени — все четыре типа инноваций. И большинство критических замечаний А.М. Курышова связаны именно с ними — главным образом, с нашей методологической установкой на компаративистский подход. Поэтому мы не будем дискутировать по поводу относительно второстепенных деталей (скажем, о том, где место П.А. Столыпина, в шеренге реформаторов или в когорте вешателей, — скорее всего, ему есть место в обеих шеренгах). Поговорим о главном — о соотношении России и Европы.

Рассмотрим наши «прогрешения» в той последовательности, в какой рецензент высказывал критические замечания.

Замечание № 1. Наше утверждение, что в ходе радикальных рыночных реформ проявились такие черты российского общества, как неприспособленность россиян с их православным менталитетом к новым условиям, вызвало у А.М. Курышова улыбку. По его мнению, «приписывание каких-либо отличительных черт экономического поведения представителям тех или иных народов — это что-то из европейских салонных разговоров XIX в. Исследования показывают, что духовная власть обычаев и традиций... оказывается бессильной перед внешними влияниями, пробуждающими меркантильные устремления индивидов. Иными словами, православный русский не менее предприимчив, чем протестант-американец, были бы подходящими условия».

Авторы «России и Европы» полагают, что отрицание кросс-культурных различий («все люди не только равны, но еще и одинаковы») — это что-то из европейских леворадикальных салонных разговоров первой половины XX в. Этнометрические исследования (по методикам Г. Хофстеда, Р. Инглхарта, Ш. Шварца и др.) показывают, что по степени приверженности многим связанным с экономической жизнью культурным ценностям (например, индивидуализму, авторитаризму, избеганию неопределенности) действительно есть сильные качественные различия между нациями Востока и Запада. В результате меркантильные устремления индивидов в разных странах приобретают очень разные формы. Конфуцианец-японец, в некотором смысле, не менее предприимчив, чем протестант-американец, однако американский бизнес — это соревнование индивидов, в то время как японский бизнес — соревнование коллективов. Поэтому вопрос о том, какая форма рыночного хозяйства наиболее подходит для России и какие для этого надо создавать условия, отнюдь не является умозрительной.

Замечание № 2. А.М. Курьшов считает, что «на самом деле никакой разницы между позднефеодальным стяжательством и капиталистическим предпринимательством нет. Честных бизнесменов в природе не существуют, поскольку цель бизнеса в получении прибыли, а не сохранении собственного лица. Есть только разная степень контроля над бизнесменами со стороны государства. В средние века торговцы и скоморохи были самыми неуважаемыми членами общества, сейчас бизнесмены и шоумены — на верхушки социальной лестницы. Это — проявление системного кризиса общества, основанного на рынке и только на нем». Если логически продолжить эту мысль, то системный кризис общества начался вместе с генезисом капиталистического рыночного хозяйства («основанного на рынке и только на нем»), и этот кризис длится вот уже 3–4 столетия.

Критические замечаний нашего оппонента основаны на соединении мнений Вернера Зомбарта и Карла Поланьи. Как и Зомбарт, А.М. Курьшов считает типичными капиталистами всех, кто безудержно жаждет прибыли. Как и Поланьи, он считает рождение капитализма Великой трансформацией, которая привела к доминированию чисто экономических мотивов над социальными.

В вопросе о культурных аспектах генезиса капитализма авторы «России и Европы...» являются приверженцами позиции Макса Вебера, оппонента Зомбарта. Мы разделяем мнение, что если бизнес — бесчестное занятие, то такой бизнес будет *только* разрушительным и не сможет создать никакого мало-мальски жизнеспособного общественного строя, как это было на Западе. К сожалению, в постсоветской России бизнес на самом деле лучше описывается теорией Зомбарта, а не Вебера. Отсюда и весьма «неоднозначные» результаты «развития капитализма в России» 1990–2000-х гг.

Что касается поставленной К. Поланьи проблемы включенности экономических мотивов в социальную жизнь, то ее решение, конечно, отнюдь не сводится к контролю государства за бесчестными торговцами. Сам Поланьи отнюдь не был адептом государственного контроля. Он полагал, что десоциализация бизнеса есть закономерная стадия развития западного общества, вслед за которой приходит новая стадия, когда чисто рыночные мотивы начинают отступать под давлением новых форм социали-

зации, связанных не только и не столько с государством. (Скажем, регулирование рынка труда в XX в. происходило под влиянием, прежде всего, профсоюзов.) Авторы книги «Россия и Европа...» разделяют эту позицию, далекую как от апологии свободного капитализма, так и от «антикапиталистической ментальности».

Замечание № 3. Наш рецензент гневно указывает, что мы игнорируем внешние факторы наших постсоветских неурядиц. «О “холодной войне” упоминается вскользь, — укоряет А.М. Курьшов, — о прямом вмешательстве в процессы реформ американских советников российского Президента, связанных с Пентагоном и ЦРУ, в эпоху «ваучеризации» не говорится вообще, о планомерном... разрушении оборонного сектора российской промышленности — ничего. Между тем, все это — широко известные факты. [...] Какой бы несовершенной не была советская экономическая система, она была жизнеспособна, а пасть ей помогли извне. Об этой стороне вопроса авторы, к сожалению, молчат». Далее рецензент мимоходом делает замечание о «военном коммунизме», который был «экономической политикой Советской власти в условиях Гражданской войны и интервенции (о которой авторы монографии вообще стараются не упоминать)».

Мы действительно предпочитаем молчать о той стороне проблемы, которая крайне политизирована, не очень хорошо обоснована фактами и, самое главное, вряд ли является первостепенно важной.

Вопрос о степени влияния «заграницы» на переломные моменты нашей истории в прошлом веке имеет отчетливый конспирологический привкус и с большим трудом поддается обсуждению в рамках научного дискурса. Публицистам давно «известно», что Октябрьскую революцию большевики делали на немецкие деньги, что Гражданскую войну тоже разжигали злодеи-интервенты, а ельцинские реформы осуществлялись едва ли не под диктовку Вашингтона. Фактом является то, что у политических оппонентов России действительно было вполне логичное желание ослабить своего соперника. Проблема в том, играли ли исполнители строго ту «музыку», за которую им платили, или же спонсоры предлагали матпомощь тем «музыкантам», которые уже определились с выбором «репертуара». Устойчивые революционные изменения в жизни нации возможны, только

если их поддерживает (или хотя бы против них не возражает) большинство народа. Вмешательство извне играет решающую роль только в случае прямого подавляющего военного насилия (такое было в истории России единственный раз — во время нашествия монголо-татар). Исходя из этих соображений, авторы «России и Европы» считают основными причинами российских катаклизмов самих россиян и не считают нужным искать американских шпионов под кроватью наших реформаторов.

Замечание № 4. А.М. Курышов очень критично относится к тому, что в нашей книге обнаруживается «отрицание в России феодализма». По его мнению, «факт наличия в ее средневековый период общины и поместного хозяйства, аналогичных западным, доказан еще Н.П. Павловым-Сильванским, чьи выводы базируются на анализе огромного фактического документального материала, который нельзя игнорировать, и никакие рассуждения здесь не помогут. В дальнейшем этот вопрос был решен окончательно усилиями советских ученых Б.Д. Грекова, М.Н. Тихомирова, Б.А. Рыбакова».

Проблема в том, что само понимание феодализма за столетие, прошедшее после Н.П. Павлова-Сильванского, заметно изменилось, изменилась и фактологическая база по средневековой России. В советское же время «окончательное решение» в дискуссии о характере средневековой России было достигнуто, как хорошо известно, «не совсем» научными методами. Вполне естественно, что в постсоветский период «рассуждения» о не-феодалном «азиатском деспотизме» в России приобрели широкую популярность.

Авторы книги «Россия и Европа», не считая себя достаточно глубокими специалистами, предлагают промежуточный вариант решения этой проблемы. Мы отнюдь *не отрицаем* феодальных тенденций в средневековой России (к которой мы относим и Великое княжество Литовское), но считаем, что *наряду* с феодальными тенденциями были и сильные «азиатские» тенденции. До «окончательного решения» вопроса, в какой пропорции в нашей истории сочетались «нормальный» феодализм и азиатский способ производства, исторической науке предстоит пройти довольно долгий путь.

Замечание № 5. По мнению нашего рецензента, «к неудачным пассажам авторов следует отнести идею об альтернативных

московской экономических моделях Литовской Руси и Новгородской земли». «Что касается “казацкой альтернативы”, о которой говорят авторы монографии, то она, вероятно, существует только на страницах трудов теоретиков экономической истории».

Авторам монографии «Россия и Европа» пассаж об альтернативных моделях социально-экономического развития российской цивилизации представляется очень важным компонентом концепции экономической истории как институциональной конкуренции. Эту альтернативность можно наблюдать даже в наши дни: три нации «Большой России» (собственно Россия, Украина и Беларусь) демонстрируют в последние 20 лет существенно разные институциональные модели (аналогичная ситуация наблюдается, например, в «Большом Китае», включающем КНР, Тайвань, Сингапур...). Что касается конкуренции разных средневековых «Русских земель», то победа Москвы представляется нам отнюдь не единственно возможным исходом.

Господин Великий Новгород кажется А.М. Курышову чем-то слишком малым в сравнении с Северо-Восточной Русью; однако Венеция демонстрирует яркий пример, как малое государство на протяжении всего средневековья могло сохранять независимость и «особость». Трудно согласиться с утверждением критика, что «в войнах Ивана III с Новгородом, закончившихся присоединением последнего к Великому княжеству Московскому в 1478 г., основная масса новгородцев даже не принимала участия, воевали за свои привилегии и вотчины конкретные новгородские бояре». Трудно поверить, скажем, что из 12 тыс. новгородцев, погибших в Шелонском сражении 1471 г., все были чисто конкретными новгородскими боярами. Если бы большинство новгородцев абсолютно безразлично относилось к сохранению вечевоего строя, то войны Ивана III с Новгородом окончились гораздо быстрее.

Что касается литовской модели, то можно отчасти согласиться с А.М. Курышовым, что «та ее модификация, которая практически реализовывалась на землях, населенных восточными славянами, мало отличалась от московских порядков: то же крепостное право, те же поместья, только помещики в массе своей — католики...». Однако наличие хотя бы магдебургского права в городах и шляхетских вольностей определенно позволяет рассматривать Литовскую Русь как альтернативу Московской Руси. Не ясно пока

другое — идет ли речь об альтернативных моделях феодализма, или же мы наблюдаем противостояние литовского феодализма московскому «азиатскому строю». Возможно, обе Руси — Литовская и Московская — демонстрируют сочетание «нормального» феодализма с «азиатчиной», но в разных пропорциях.

«Казацкая альтернатива» кажется нашему рецензенту кабинетной химерой. Однако в истории средневековья есть по крайней мере два примера, когда «вольные стрелки» на значительное время побеждали, что приводило к резкому усилению институтов власти-собственности в масштабах страны. Первый пример — это табориты в Чехии начала XV в. (примерно 15 лет). Второй, гораздо более известный, пример — казачье государство на Украине от Богдана Хмельницкого до Ивана Мазепы (примерно 60 лет). Украина времен Руины ярко демонстрирует, чем могла завершиться Смута начала XVII в., если бы победителями в междоусобице оказались не Романовы, а атаман Заруцкий или какие-нибудь Лжедмитрии.

Замечание № 6. У уважаемого рецензента сильное недоумение вызвала предложенная в нашей книге трактовка мировых войн XX века. Так, по его мнению, Россия в Первой мировой войне вовсе не была «выбита» Германией, «линия фронта была стабильной», и вообще «с марта 1918 г. Антанта (в том числе США) воевала не столько с Германией, сколько с Россией (интервенция)».

Вопросы военной истории вызывают в России повышенный интерес. Наш патриотизм всегда базировался на пропаганде успехов не столько в области экономики и культуры, сколько на поле брани. Поскольку сомнения в наших победах переживаются очень болезненно, военная история России мифологизирована в общественном сознании гораздо сильнее, чем другие области наших знаний об истории Отечества. Однако хотя бы в рамках научного сообщества вполне можно признать, что не во всех войнах Россия была абсолютно права и не во всех войнах она была победоносна.

В частности, участие России в Первой мировой войне, как стало вполне понятно уже через год-другой после ее начала, не имело рационального основания с точки зрения национальных интересов. Вполне логично, что в этой войне «непонятно за что» российская армия не демонстрировала особых успехов. Накануне революционного 1917 г. линия фронта вряд ли была стабильной, скорее она стабильно смещалась с запада на восток. А после начала револю-

ционных катаклизмов некоторая стабильность Восточного фронта обеспечивалась в основном нежеланием немцев отвлекать силы с более для них важного Западного фронта. Насколько стабильным был Восточный фронт в начале 1918 г., вряд ли стоит и говорить. Одним словом, в финальной победе Антанты над Центральными державами, конечно, есть и доля заслуг России, но все же Германия смогла Россию из Антанты «выбить». Что же касается интервенции Антанты в Россию, то не следует преувеличивать ее значения: сам термин «Гражданская война» показывает, что в 1918–1922 гг. воевали между собой в основном россияне.

Замечание № 7. Самые серьезные замечания у А.М. Курышова в адрес авторов «России и Европы...» были высказаны по поводу трактовки Второй мировой войны. Наш критик буквально не мог найти слов для возмущения. «Автор этих строк, — пишет он, — отдает себе отчет в том, что его оценки могут быть эмоциональными, а не рациональными, и все же... Все же как воспринимать такие слова: “Баланс на конец 1940 г. показал едва ли не катастрофу “новой Антанты”: разбитая Франция выпала из союза, Соединенные Штаты сохраняли нейтралитет, а Советский Союз еще оставался формальным союзником Германии” (С. 284). Не был Советский Союз никогда ни формальным, ни действительным союзником фашистской Германии. [...] А как рассматривать такие тирады: “...в ходе [Второй мировой войны]... демократическим государствам с кейнсианской системой государственного регулирования удалось “отбить” натиск авторитарных/тоталитарных государств, чья институциональная система сближалась с системой власти-собственности” (С. 257); “Вторая мировая была противостоянием двух военных блоков, но трех качественно различных идеологий — либерально-этатистской (Франция, Великобритания, США), национал-социалистической (Германия, Италия, отчасти Япония) и советской (СССР). Рыночная экономика могла сохраниться только при победе либерального этатизма, поскольку обе другие идеологии были построены в той или иной степени на отрицании рынка, на замене институтов частной собственности институтами власти-собственности” (С. 282); “В результате этой войны удалось отсеять те национальные модели капиталистической экономики, которые стали на путь усиления власти-собственности и милитаризации, представляя угрозу всему мировому со-

обществу” (С. 288). Надо ли уточнять, кто, по мнению уважаемых Р.М. Нуреева и Ю.В. Латова, угрожал мировому сообществу, кого “удалось отсечь” и кто из тоталитарных государств с вредной экономической системой остался. Каково место СССР в этой стройной системе? Комментарии, как говорится, излишни».

Между тем комментарии определенно не помешали бы.

Наш критик не относится к числу тех неосталинистов, которые по сей день убеждены, что СССР при Сталине представлял лучший в мире общественный строй, а потому было бы лучше, чтобы он победил и подчинил всех, кого только можно. Поэтому мы предлагаем нашему критику с высоты современных знаний честно ответить на такой, скажем, вопрос: если бы во Второй мировой войне успехи СССР были еще более победоносны (например, РККА освободила от фашистов не только Восточную Европу, но и вообще всю Европу), пошло бы это на пользу другим странам, да и нашей стране тоже? Думаю, ответ будет однозначно отрицательный.

Советская система была в целом лучше фашистской, но хуже западноевропейской (менее эффективна, менее демократична, менее гуманна). В таком случае следует с горечью признать, что сталинский СССР как слишком успешный победитель фашистской Германии *на самом деле* угрожал социально-экономическому развитию мирового сообщества. Конечно, квази-либеральные идеи типа «а нужно ли было вообще сопротивляться Германии?» следует квалифицировать как глупость в особых размерах: фашистская Германия несла общественный строй *гораздо* более худший, чем советский. Но есть смысл задуматься над тем, нужно ли было превращать защиту СССР в экспорт советского строя в страны Восточной Европы.

Если мы признаем ущербность советского строя в сравнении с англо-американским, то оптимальным завершением Отечественной войны стало бы освобождение Европы без расширения зоны советской социально-экономической системы. (Это могло бы произойти, например, если бы заговор Штауфенберга привел в 1944 г. к свержению фашистского режима и капитуляции Германии перед всеми союзниками на условиях возвращения к границам 1933 г. Совсем отлично, если бы сталинский режим, освободив Восточную и Центральную Европу, удержался от «экспорта революции», как это удалось сделать в Австрии. Увы, такой вариант куда менее

реален, чем успех антигитлеровского заговора.) Тогда бы современные поляки и прочие восточные европейцы запомнили советского солдата именно как освободителя, а не как нового оккупанта. Настоящие патриоты России обязаны уметь отличать долгосрочные национальные интересы от интересов конкретного политического режима, возглавляющего нашу страну в тот или иной период.

Замечание № 8. Как считает А.М. Курышов, «нет принципиальных отличий между территориальными земледельческими общинами Востока, античности, средневековой Европы. Есть отличия в степени хозяйственной самостоятельности общины: на Востоке есть надобщинные институты (в лице государства), в античности их нет (община — это и есть государство), в средневековой Европе община сращена с сенььорией (имеющей иммунитет по отношению к государству). Обо всем этом Р.М. Нуреев и Ю.В. Латов упоминают в своей работе, но, вероятно, в стремлении развести Запад и Восток как можно дальше друг от друга, разводят не только их государства, но и протогосударственные социальные институты — общины». Далее наш уважаемый рецензент утверждает, что «европейская община изменяется с течением времени, а азиатская нет, только и всего. Причины неизменности искать ни к чему (нельзя искать то, чего нет), нужно искать причины изменчивости».

Вопрос о качественном отличии разных типов общин относится к числу краеугольных проблем теории исторического развития социально-экономических систем. Авторы «России и Европы» в данном вопросе отталкиваются от идей К. Маркса, высказанных более 150 лет назад. Насколько авторы знакомы с современной научной литературой, эта старая точка зрения о качественном различии азиатской, античной и германской общин в общем разделяется и в современной исторической науке. Нашему критику надо пояснить, на трудах каких исследователей общинных институтов основано его альтернативное мнение. Утверждение же, что неизменность естественна, а вот для объяснения изменений надо искать причины, кажется скорее ловким полемическим приемом, чем серьезным научным аргументом, — ведь развитие/изменение является обязательным атрибутом любого явления.

Замечание № 9. А.М. Курышов полагает, что «противоречия в логике Р.М. Нуреева и Ю.В. Латова есть следствия противоречи-

вого в своей основе *способа восприятия* истории. Ее можно воспринимать либо как линейный процесс, либо как циклический; затем — либо как процесс одновариантный, либо многовариантный. Чаще всего восприятие истории как процесса линейного сочетается с признанием одновариантности, а понимание циклическости истории — с признанием многовариантности. Синтетические концепции, пытающиеся примирить непримиримое, чаще всего остаются в памяти народной более или менее удачными спекуляциями (Фукуяма, Ясперс, Валлерстайн). [...] Безусловный авторитет среди сторонников линейных теорий — Карл Маркс. [...] Авторы же рассматриваемой монографии, взяв Маркса за основу, попытались притянуть сюда и цикличность. Зачем?»

Авторы «России и Европы...» согласны, что в их концепции сочетаются линейность (прогрессивность) и многовариантность. За полтора столетия развития марксистского обществоведения стало очевидным, что идея прогресса вполне справедлива, но вряд ли ее следует интерпретировать как наличие единственного пути прогрессивного развития. Наша концепция на самом деле является синтетической; указание на духовное родство с Ясперсом, Фукуямой и Валлерстайном в высшей степени льстит самолюбию авторов. Если в памяти некоторых людей теории этих мыслителей остались лишь удачными спекуляциями, то другие считают эти теории наиболее плодотворными направлениями современного научного поиска. Будущее покажет, кто более прав, авторы «России и Европы...» или наш критик.

Замечание № 10. Нашему рецензенту не очень нравится само сопоставление России с Европой. Он считает, что «Россия всегда была в Европе и никогда оттуда не выходила». По его мнению, «сама постановка вопроса о том, как соотносятся истории Европы и России — это следствие *западнической* позиции, которая, в свою очередь, зиждется на ущемленном самолюбии российской элиты, стремившейся в Европу».

В наши дни открыто признаваться в западничестве снова становится «не модно»; куда чаще пишут и говорят об ущербности западной цивилизации, которая стремится всех подмять под себя. Вопреки «моде», авторы «России и Европы» признаются в этом грехе: они считают современную западную цивилизацию по экономическим критериям наиболее передовой. Правда, наш

«западнизм» носит умеренный характер. Мы не уверены, что первенство Запада — всерьез и надолго. (В ближайшие десятилетия с высокой вероятностью ожидается мощный «рывок» азиатских стран.) Мы не уверены, что западный путь развития универсально подходит для всех стран мира. Мы не уверены, что России надо стремиться именно в Европу (может быть, восточный вектор развития окажется более важным). В чем мы точно уверены — это в том, что для понимания перспектив прогрессивного развития нашей страны надо попытаться понять, чем же она отличается от тех стран, которые уже стали передовыми, чтобы не заниматься малоэффективным механическим копированием чужого опыта. Демонстрируя готовность учиться и изменяться, Россия может сохранить свою цивилизационную «особость» и вовсе не нуждается в исповеди Европе, Азии, Австралии или кому-то еще.

Замечание № 11. Статья нашего уважаемого рецензента завершается афоризмом: «Проблема любой теории в том, что она не основана на фактах. Проблема фактов в том, что их все невозможно втиснуть в одну теорию. Ни одна из теорий не объясняет истории, скорее запутывает ее. Однако именно теории двигают научную мысль вперед».

Пожалуй, в стремлении найти блестящий финал для своей рецензии А.М. Курышов отдал чрезмерную дань риторике. Если теории не объясняют историю, а запутывают ее, то как же они двигают вперед научную мысль? Неужели Андрей Михайлович Курышов считает, что чем дальше двигается научная мысль, тем в большей степени она запутывает суть дела? Впрочем, если речь идет о теориях, не основанных на фактах (т.е. на схоластических теориях), то, вероятно, так оно и есть.

Авторы книги «Россия и Европа...» стремились создать не чисто умозрительную схоластическую теорию, а теорию, основанную на обобщении фактов. Такая теория должна сыграть роль нити Ариадны и попробовать найти путь в лабиринте множества фактов. Мы прошли еще не до конца дороги и отнюдь не уверены, что наша нить — самая прочная и ведет в самом правильном направлении. Однако дорогу осилит идущий. Поблагодарим нашего рецензента за то, что своими критическими замечаниями он заставил авторов глубже продумать их методологические подходы и укрепиться в сознании верности избранного пути.